

в Москве Лжедмитрия и поляков имеются текстуальные заимствования из «Сказания о Гришке Отрепьеве». Описание «ада» — «гуляй-города», изготавленного самозванцу для «потехи», очень близко подобному описанию в «Повести, како восхити. . .».

С. Ф. Платонов считал, что «легендарным характером в сказании отличается только одна подробность». Он имел в виду рассказ о том, что во время восстания москвичей поляки совсем не оказали сопротивления: «сущим безоружным, точию з дреколием и камением их побиваху, а урешающе они воинскую свою збрую сами на себя руками подаваху». Но автор С. в данном случае проявил самостоятельность только в том, что постарался изобразить эту картину как можно нагляднее. Сама «неумелая гипербола», как определил С. Ф. Платонов искажение действительных обстоятельств победы москвичей, заимствована автором из «Повести, како восхити. . .».

С. следует источникам и в трактовке действий Лжедмитрия. В нем неоднократно подчеркивается единственная, по мнению автора, цель самозванца — «разорити православную христианскую веру, в люторскую веру превратити». Разрушение этого замысла Лжедмитрия, папы римского и польского короля определяет идейное содержание С.

При всей зависимости от источников С. является произведением несомненно оригинальным. Своеобразие ему придает авторская самостоятельность в суждениях о людях и событиях, характер отбора материала и форма его изложения. Автор С. совсем не придерживается идейной направленности источников, в которых ставилась задача агитации за непопулярного царя Василия Шуйского. Он вообще обходит вопрос об избрании царей, считая появление на русском троне разных людей результатом их собственных усилий. Не в пример источникам, где подробно и в похвальном тоне повествуется о роли Василия Шуйского в подготовке и осуществлении восстания 17 мая 1606 г. и об избрании его царем, в С. он упомянут всего лишь один раз и притом скороговоркой: «И потом бысть в Московском государстве в Российской земли христианские веры царьскаго корени остался сродич, государь царь и великий князь Василий Иванович, всеа Руси самодержец». Такое отношение к Василию Шуйскому свидетельствует о том, что автор С. не был его сторонником.

С другой стороны, в С. проявилась важнейшая особенность литературных произведений конца Смутного времени. Если авторы «Повести, како восхити. . .» и «Сказания о Гришке Отрепьеве» делают людей только на хороших и плохих, то в С. «О изведении царскаго семени. . .» обнаруживаются зачатки представления о человеческом характере, объединяющем противоречивые качества. Автор пытается обрисовать Бориса Годунова с различных сторон. При общей негативной характеристике человека, который обвиняется в преступном осуществлении замысла «царское семя извести», автор нашел нужным отметить в его характере и положительную черту. Возможность для этого давали активные попытки Бориса Годунова помочь населению Москвы во время трехлетнего голода: «. . . та же три лета он, царь Борис, показа милостыню велию. . . и много гладных прокормил».

Особенностью С. является стремление его автора к большей, чем в источниках, точности и конкретности. Он тщательно, иногда с точностью до часа, датирует события, старательно отмечает длительность царствования всех царей после Ивана Грозного. Благодаря его умению видеть происходящее своими глазами, С. представило «ад» — «гуляй-город» в ином качестве, во всех других источниках не отмеченном. Устрашающее оформление «ада» использовалось, видимо, не только в военных целях, но и в мирных развлечениях, которые имели характер театрализованных действ, хотя и с религиозным значением: «И выйдут из него люди в личинах, дьяволом претворени, наметки у них черныя, что у черниц, и почнут смолою и дехтем людей мазать и шелепугами почнут бить, да в деготь омачивая, а иные из ада водолейками прыскаху воду з дехтем на мир».